

Взаимосвязь коммуникативных процессов и динамики форм знаков*

Цель статьи – в обосновании того, что коммуникативные процессы являются устройством семиотической динамики, а современная растерянность перед натиском эффектов коммуникативного пространства есть следствие нашей приверженности оценивать взаимосвязь коммуникации и знаков в лингвoseмиотической традиции Ф. де Соссюра. Вместе с тем современная реальность технических средств коммуникаций, на которые возлагается ответственность за переживаемые деформации культуры, актуализирует концепцию семиозиса Ч.С.Пирса.

Проблема познавательной ситуации состоит в устойчивом представлении о том, что связь феноменов информации, коммуникации и форм знаков является самоочевидной, а сопоставление моделей этих феноменов есть дело скучное, хлопотное и схоже с возвратом к временам кибернетической моды. В сложившемся стереотипе упускается из виду два обстоятельства. Во-первых, синергетическая трактовка феномена информации принципиально отличается от всех кибернетических трактовок. Во-вторых, в лингвoseмиотике знак оставался статичным в разнообразии коммуникативных процессов, тогда как в концепции семиозиса внимание сосредоточено именно на динамике форм знаков, но сами коммуникации не попадали в фокус исследовательского внимания. Иными словами, сложился круг эпистемологических ассоциаций: информация как некое сообщение; обмен сообщениями есть ком-

---

* Исследование поддержано проектом РФФИ № 11-06-00160.

муникация; рецепция сообщения зависит от тезауруса субъекта коммуникации; субъекты порождают соотношения означаемых и означающих; знак фиксирует сложность этих соотношений; знак, оставаясь неизменным, обретает новые или утрачивает прежние значения в коммуникациях; появление новых технических средств коммуникаций приводит к тому, что в социальной действительности уже не остается вне-семиотических объектов; любое сообщение приобретает стоимость, что превращает социальную действительность в информационное общество. Круг ассоциаций замкнулся и стал привычным. Этот круг становится фундаментом для широкого спектра исследовательских направлений, итогом которых стали интереснейшие выводы о структуре манипулятивного воздействия на сознание человека, о «верчении» субъекта в разнообразных «поворотах», об «обществе зрелищ» и «обществе мечты», о «бизнесе в стиле шоу», о «мерцании знака» и тотальном ускользании смысла, о новом взлете радикального конструктивизма и новом «конце» всего – человека, истории, культуры, науки....

Это неполное перечисление свидетельствует о противоречивых интерпретациях взаимосвязи феноменов коммуникации, знака и информации, которые объединяет выше отмеченный эпистемологический круг. И здесь нужно сделать одно замечание – феномен информации не сводится к сообщению. Информация есть процесс. А при всей распространенности словосочетания «информационный процесс» под информацией продолжают понимать нечто подобное апейрону. Процессы всегда были трудны для рациональных объяснений. Например, такие подобию апейрона, как флогистон, почти двести лет скрывали то, что являлось процессами.

На философском уровне феномен процесса был понят А.Н.Уайтхедом: процесс есть чередование стадий, на которых «сращение» многих факторов подводит к формированию некоторого результата, и оформление достигнутого результата как условия «перехода» к следующей стадии. Это значит, что каждая последующая стадия «стартует» в зависимости от результата предыдущей стадии. Сегодня мы уже имеем основания для того, чтобы сказать, что разворачивание процесса вариативно, нелинейно и необратимо во времени, но для исследования феноменов, обладающих такими качествами, у науки до второй половины XX в. не было инструментов¹. Но теперь три «кита» постнеклассики – ва-

риативность, нелинейность и необратимость во времени – становятся концептуальным основанием междисциплинарных исследований. Почему? А потому, что, во-первых, изначально допускается существование разных точек зрения. Нужен только способ установления границ применимости каждой исследовательской позиции и каждого исследовательского вывода. Во-вторых, предметом поиска становится не самоочевидность эффектов реальности, а тот момент действительности, воздействие на который производит (или не производит) этот эффект. Иными словами, предметом становятся механизмы самоорганизации сложных систем, а именно эти системы и требуют междисциплинарных исследований. В-третьих, становление сложности для гуманитарных исследований требует выявления «своего» процесса. Напомним, что в термодинамике есть такие процессы, как тепло и работа, но им вряд ли удастся подобрать аналоги в реальности социокультурных систем. В-четвертых, допущение многовариантной действительности предполагает осуществление выбора и отбора варианта, а если что и объединяет все направления теории информации, то признание выбора и отбора как основных сущностей информации. Все это вместе составило наше методологическое решение междисциплинарных исследований: на основе прямой аналогии многостадийных информационных и социокультурных процессов устанавливать границы интерпретаций различных теорий и концепций. Вот с этих позиций был предложен ответ на вопрос о генезисе множественности моделей коммуникаций², но сама постановка этого вопроса обязана выявленной, на основе исследования информационных процессов, взаимосвязи коммуникативных и семиотических процессов.

Итак, почему моделей коммуникаций так много? Предположительными ответами в духе классической рациональности будет указание либо на «правильные» и «неправильные» модели, либо на принадлежность модели к некоторой предметной области и специфику соответствующего дисциплинарного решения. Подобные ответы влекут за собой следующую цепочку рассуждений: модель N «правильнее» модели NN , а поскольку модель N создана средствами, например лингвистики и семиотики, то и коммуникация обладает лингвосемиотической сущностью. Поиск ответа в этом духе является спором о релевантности. Бесконечность поиска

обеспечивает появление новых направлений, например кибернетики, семиотики и когнитологии, в которых получает обоснование новое понимание сущности коммуникации. В принципе, создание всех моделей коммуникации и происходило в последовательности смены перечисленных направлений. Обобщение истории разработки моделей и выяснение концептуальной преемственности в разнообразии моделей выразилось в определении концептуальных формул или базовых моделей³:

– *формула Г.Лассуэлла*, объединяющая модели Р.Бреддока, Дж.Гербнера, Стэнфордскую модель коммуникативного процесса Д.Берло и нарратологическую модель двойной коммуникации В.Шмида. Коммуникация во всех перечисленных моделях представлена в них как последовательность контроля над содержанием распространяемого воздействия, а их графическое выражение имеет вид линейной (без «ответвлений» и любых «отклонений») смены коммуникативных актов;

– *формула К.Шеннона – У.Уивера*, объединяющая одноименную модель с моделями Д.Осгуда-В.Шрамм, М. Де Флера, М.Денса, двухступенчатой моделью коммуникации П.Лазарсфельда, многоступенчатой моделью Г.Веймана, М.Гранноветтера, маркетинговой моделью Ф.Котлера и моделью коммуникационного процесса М.Мескона. В моделях этого вида коммуникация представлена как взаимодействие, т. е. в них подчеркивается взаимное воздействие субъектов коммуникации друг на друга, ответная реакция и обратная связь, а их графический вид уже содержит «ответвления» и «отклонения» от одномерной последовательности коммуникативных актов;

– *формула Т.Ньюкомба* объединяет модели В.Уэстли-М.Маклина, Дж. и М.Рили, Г.Малецке. Модель Т.Ньюкомба дала начало развитию моделей, в которых учтены внешние по отношению к самому процессу коммуникации условия: стимулирующие коммуникацию (Б.Уэстли – М.Маклина), создающие коммуникативную ситуацию (Г.Малецке), формирующие психологических отношения субъектов коммуникации (Дж. и М.Рили). Графика этих моделей отражает обратные связи «встречными стрелками», «петлями» и «спиралями»;

– *формула Р.О.Якобсона*, продолжена, например, в моделях Ю.М.Лотмана и У.Эко. Модель Р.О.Якобсона открыла «эпоху» семиотических моделей коммуникации, которые рассматривают пре-

имущественно «человеческие» коммуникации. В силу этого авторы моделей, входящих в данную линию, особое внимание уделяли сообщению и коду, с помощью которого это сообщение создано. Наиболее значимыми выводами, сделанными в рамках семиотических моделей коммуникации, является то, что в «...механике культуры коммуникация осуществляется минимум по двум, устроенным различным образом, каналам»⁴. В соответствии с этим выделяются две модели коммуникации: «Я–Он» и «Я–Я» и вывод, сделанный, что кроме кода человеческая коммуникация включает дополнительно лексикоды – это вторичные коды: разного рода коннотативные значения, которые известны не всем, а только части аудитории, поэтому зачастую лексикоды могут играть роль шума и осложнять коммуникацию⁵.

Таким образом, множество моделей коммуникации удастся свести к четырем группам моделей, обладающих концептуальным единством. Широкое распространение коммуникативного моделирования связано, прежде всего, с тем, что модель позволяет продемонстрировать взаимосвязь элементов коммуникации, их последовательность и значение. Однако в данном разнообразии есть инвариантная часть: включенность в каждую модель одинаковых составных элементов. Еще Аристотелем было указано, что «Речь слагается из трех элементов: из самого оратора, из предмета о котором он говорит и из лица, к которому он обращается»⁶. Ссылка на Аристотеля свидетельствует о двух вещах. *Во-первых*, структура коммуникаций представляет интерес давно. *Во-вторых*, любая коммуникация включает в себя источник сообщения, само сообщение, способ его передачи и получателя. Это позволяет переформулировать вопрос так: почему же разнятся модели коммуникации, если они состоят из одинаковых элементов и описывают один процесс?

Ответ (опять же в духе классической рациональности) был получен на основе предположения о том, что каждый создатель модели под синонимичными названиями элементов коммуникации подразумевал различные вещи⁷. Обращение к исходным описаниям коммуникативных моделей подтвердило сделанное предположение. В частности, началом всех моделей является структурный элемент, называемый «источником», но обозначается им и «то, что кодирует или модулирует информацию», и «тот,

кто контролирует коммуникативный процесс», и тот (человек или механизм), кто сформировал утверждение о некотором событии. Проведенный анализ⁸ позволил убедиться, что любая отдельно взятая коммуникативная модель описывает не универсальный механизм взаимодействия, а определенное проявление, действие, воздействие, «грань» коммуникации. Содержание элементов моделей и графическое выражение связи элементов в этих моделях, фактически демонстрирует, что одни модели рассматривают и определяют механизмы межличностного взаимодействия, вторые концентрируют свое внимание на массовой коммуникации, третьи поясняют, как действует процесс убеждения направленный на большие социальные группы, четвертые описывают распространение влияния определенных трактовок, событий общественной жизни. Анализ коммуникативных моделей, проведенный с целью установить, чем же определяется многообразность моделей состоящих из одноименных элементов, позволил выяснить, что различные модели «схватывают» различные аспекты взаимодействия, которые существуют в социокультурных системах, а многомерность этих систем, а, следовательно, и сложность структуры взаимодействий, объясняют множество созданных моделей коммуникаций. Следует обратить внимание и на то, что в моделях рассматриваются пути передачи информации, на что указывал У.Эко: «в тот момент, когда мы сталкиваемся с проблемой передачи информации от одного человека к другому, теория информации становится теорией коммуникации»⁹.

Несмотря на безоговорочное признание авторитета У.Эко, его лаконичное утверждение о предметном пересечении теорий информации и коммуникации было нами исследовано. В результате было установлено, что каждая из 60 наиболее известных, часто упоминаемых в литературе моделей коммуникации, становится фрагментом информационного процесса¹⁰.

Таким образом, *каждая модель коммуникации входит в качестве частного случая в обобщенную модель информационного процесса.*

Отмеченный результат заставляет еще раз переформулировать вопрос о генезисе множественности моделей коммуникации: *почему единое коммуникативное пространство так по-разному представлено в моделях?*

Ответ на этот вопрос был найден уже в методологических рамках постнеклассики. Исходным пунктом данного поиска стало категориальное разграничение *бытия*, *действительности* и *реальности*, которое было выдвинуто А.Н.Уайтхедом: бытие есть потенциальность, есть все, что может быть; действительность есть то, что осуществилось, есть область «действительных происшествий»; реальность – это вариант воспринимаемой действительности¹¹. С этим разграничением бытия, действительности, реальности и связано создание А.Н.Уайтхедом философии процесса. В универсальном процессе А.Н.Уайтхедом выявлено два основных его вида: переход («от достигнутой актуальности к актуальности в достижении»)¹², что тождественно конституированию действительности или реальности) и телеологический процесс «сращения» многих сущностей или совершение «актуального события»¹³. Таким образом, бытие, действительность и реальность трактуются А.Н.Уайтхедом как переходы, отделяемые друг от друга актуальными событиями. Причем, отделяемые необратимо. Это значит, что открытая в самоочевидности реальность необратимо отделена от действительности, а «пробиться» к пониманию этой действительности можно только в исследовательской реконструкции. В свою очередь, действительность это только один из вариантов бытия, бытия становящегося, бытия порождающего многообразный и спонтанный мир. Именно это становящееся бытие стало предметом исследований теории самоорганизации сложных открытых систем (или, прибегая к отечественному лексикону, синергетики). Событие, отделяющее бытие от действительности, было введено в фундаментальные исследования И.Р.Пригожиным. Уходящая мода на синергетику сделала общеизвестным графическое выражение такого события – бифуркацию, «ветви» которой подобны вариантам действительности, аналогичным содержанию категории «действительность» в трактовке А.Н.Уайтхеда. Механизмы бифуркации аналогичны, в свою очередь, пониманию информации, данному Г.Кастлером: *информация есть случайный запоминаемый выбор варианта из многих возможных и равноправных*¹⁴. Идеальная непротиворечивость положений И.Р.Пригожина и Г.Кастлера стала основанием для обоснования взаимосвязи теории информации и синергетики¹⁵.

Итак, бытие порождает действительность, а это порождение становится событием генерации информации, что требует процесса фиксации генерируемого варианта. Но прежде чем перейти к обсуждению семиотического выражения процесса фиксации, необходимо сделать ряд оговорок. Во-первых, телеграфный стиль изложения смены парадигм классической и неклассической науки на постнеклассическую парадигму некоторым образом оправдывается тем, что это достаточно подробно было изложено в работах очень многих известных авторов, а в контексте методологических оснований исследования информационных процессов было уже представлено в нескольких монографиях¹⁶. Во-вторых, важно понимать, что процесс вариантов действительности происходит в своеобразной конкуренции целей этих вариантов как сценариев дальнейшей динамики системы. В-третьих, философии процесса А.Н.Уайтхеда выделены два основных вида процесса: «сращение» и «переход». Сращение – это телеологический процесс конституирования новой действительности (или реальности), а сам этот вид процесса есть событие. Переход – это восхождение от достигнутого в результате сращения к новой действительности, подготавливающий основания для следующего сращения. Постнеклассические представления, развитые И.Р.Пригожиным и С.П.Кудюмовым, о притягивающем хаосе и структурах-аттракторах дает право употреблять понятие «телеология», не прибегая к гипотезе о «надприродных силах». В-четвертых, А.Н.Уайтхед создавал философию процесса под явным впечатлением от концепции семиозиса Ч.С.Пирса.

Строение и свойства знаковых систем, способных хранить и передавать информацию, изучаются в семиотике. Почти одновременно в семиотике возникли два направления исследований. Первое из них определяется как лигвосемиотика и развивается в традициях, берущих свое начало в трудах Ф.де Соссюра. В русле этих же традиций были созданы модели, которые выше были отнесены к семиотической линии. Однако для выяснения структуры коммуникативного пространства и механизмов ее образующих, нам были важны результаты, полученные во втором направлении семиотических исследований. Для решения нашей задачи принципиальным стало положение Ч.С.Пирса о семиозисе, которое с позиций постнеклассической методологии, можно

понимать как положение о самоорганизации знаковых систем, вызываемой трансформациями знака, а эта трансформация есть следствие фиксации избираемого системой варианта. Трансформация включает в себя три этапа, определяемые Пирсом как первичность, вторичность и третичность. Эти три шага в преобразовании знака происходят с различными результатами в трех измерениях семиозиса – в прагматическом, в синтактическом и в семантическом. В результате образуется девять классов знаков, которые представлены в табл. 1.

Таблица 1

Трансформация знака в семиозисе Ч.Пирса

Категории Трехотомия	Первичность (возможность)	Вторичность (существование)	Третичность (закон)
I. Знак как репрезентатив (семантика)	качественный знак	единичный знак	общий знак
II. Знак в отношении к объекту (синтактика)	иконический знак	индекс	символ
III. Знак в отношении к интерпретанте (прагматика)	рема	суждение	умозаключение

Иными словами, существуют прагматический, синтактический и семантический каналы трансляции знака, различаемые целями, с которыми передается информация, кодируемая знаком.

Само существование каналов трансляции информации является неизбежным следствием совершения события генерации информации, а этот процесс становится механизмом выбора варианта действительности. Формат статьи не позволяет изложить механизм выбора варианта и информационную модель события, поскольку его сложность требует достаточно долгого обсуждения¹⁷. Читателю придется принять на веру, что процесс генерации информации осуществляется в конкуренции определенных целей

вариантов, аналогичных возможным состояниям системы в будущем. Содержание этих целей, подобно выделенным А.Н. Уайтхедом фазам, в которых выражает себя процесс «сращения». Еще придется принять на веру, что социокультурные аналоги синергетических механизмов установлены корректно¹⁸. Сопоставление социокультурных аналогов конкуренции вариантов динамики систем, фаз процесса «сращения» и их семиотического представлено в таблице 2.

Таблица 2

Взаимосвязь форматов целей людей, целей этапов телеологического процесса свершения актуального события и каналов трансляции

Этапы телеологического процесса свершения актуального события	Цели людей в форматах временных горизонтов	Каналы трансляций
Конъюнктурная цель или выделяемая А.Н.Уайтхедом: «ответная фаза»	Цель должна быть достигнута прямо сейчас, поэтому востребованы новые идеи, объединяющие для преодоления неустойчивого состояния	Семантический
Прогностическая цель или выделяемая А.Н.Уайтхедом: «дополнительная стадия»	Цель должна быть достигнута в обозримом будущем, поэтому востребованы образы прогнозируемого будущего	Синтактический
Асимптотическая цель или выделяемая А.Н.Уайтхедом: «сатисфакция»	Цель всей жизни, поэтому востребованы образы действий, актуальные для достижения желаемого состояния в будущем	Прагматический

Содержание двух таблиц демонстрирует, в чем заключается то, что названо было У.Эко «передачей информации от одного человека к другому», на которой «теория информации становится теорией коммуникации»¹⁹. А заключается оно в формировании каналов трансляции и структура этих каналов не отличается простотой.

Обращение к каналам трансляции позволяет нам выделить еще один уровень упорядочения коммуникативных моделей – по целям, с которыми их разрабатывали.

При разработке моделей *формулы Г.Лассуэлла* исходили из предположения об огромных, практически неограниченных возможностях информационно-пропагандистского воздействия на пассивную аудиторию, поэтому задачей было моделирование самого воздействия для организации конкретных форм поведения людей, например, в ходе избирательной кампании. Источник коммуникации, в этом случае не просто тот, кто обладает информацией, а тот, кто осуществляет контроль над коммуникативным процессом, а сама коммуникация необходима для достижения результата – обретение общей трактовки события, желаемой для коммуникатора (табл. 2). Таким образом, назначение моделей *линии Г.Лассуэлла* отвечает целям *прагматического* канала.

Модели *формулы К.Шеннона – У.Уивера* объединяются такой целью создания как установление оптимальной комбинации элементов связи, при которой минимизировалось бы количественные потери информации. Моделирование помехоустойчивой связи нашло последующее развитие в моделях организации менеджмента и маркетинга в условиях «шумов» различной природы. Именно оптимизация комбинаций коммуникативного процесса была общей задачей моделей этой линии, что позволяет определить их как модели *синтактического* плана.

Модели третьей линии – *формулы Т.Ньюкомба* – определены нами как модели *семантического* плана, в силу того, что в них выстраивались взаимосвязи при выработке поля общих знаков. Его построение возможно при семантической «симметрии» участников коммуникаций, а, следовательно, участники коммуникации должны обладать определенным тезаурусом по поводу объекта коммуникации.

Модели отображают не действительность, а тот срез реальности, который определен задачей моделирования. Единое коммуникативное пространство столь многообразно представлено в

различных моделях, поскольку цели, с которыми каждая из них создавалась, в своей совокупности образуют широкий спектр, что позволило представить каждую линию в качестве канала трансляции, существующего в семиозисе.

Дефиниции элементов каждой модели коммуникаций, свидетельствуют, что в коммуникативном процессе происходит некоторое перевоплощение информации. Это, в принципе, и явилось основанием, чтобы обратиться к теории информации для выяснения структуры коммуникативного пространства.

Информация создается, передается, воспринимается, кодируется, хранится, используется, и все это является некими элементарными актами, стадиями процесса. Элементарность эта относительна, ибо механизмы соответствующих процессов, достаточно сложны. При переходе от одной стадии процесса к другой информация всякий раз предстает в «новом обличье». Результат, получаемый при завершении одной стадии, делает *возможным* начало следующего этапа. Увидеть это, тем более идентифицировать отдельные стадии с теми или иными дефинициями информации, не входя в область представлений постнеклассической науки невозможно, ибо классической науке чуждо описание создания нового, ранее не существовавшего, чуждо процессуальное описание становления.

Итак, информация – сложный процесс, состоящий из определенных стадий. Применительно к информационным процессам разделение А.Н.Уайтхеда на «сращение» и «переход» выглядит следующим образом. Преодолевая хаотическое состояние, система выбирает один из многих возможных путей дальнейшего развития, т. е. генерирует информацию. Эта информация фиксируется, объективируется системой, облекается в, понимаемые если не большинством, то очень многими, коды, знаки (как вербальные, так и невербальные). Выбор сделан. Ценность его будет определена вероятностью приближения к целям системы, к структурам-аттракторам реальным для этого пространства режимов. Итак, в результате «сращения» многих факторов влияющих на совершаемый выбор, система избирает сценарий поведения. Происходит событие, завершающее телеологический этап.

Дальнейшее разворачивание процесса будет детерминировано первоначальным выбором системы. Выбрать цель и определить ее (зафиксировать) еще не значит достигнуть желаемого. Важно

выработать способ действий, «встроить» программу достижения цели, определенной семантикой первоначального выбора, т. е. создать оператор, который будет отбирать из всех возможных эффективные алгоритмы для целенаправленных действий. Для этого сгенерированному выбору потребуются иные воплощения. На рис. 1 приведена модель информационного процесса, показывающая возможный путь этих «перевоплощений». Приведем описание данной модели.

В *блоках 1 и 2* модели приведены процесс генерации и фиксирования информации. Эти процессы принадлежат сращению в терминологии А.Н.Уайтхеда.

Блок 3 включает процессы, облакающие в коды (примерами которых могут быть знаковые системы) зафиксированную информацию. Процесс кодирования это подготовка сообщения (сигнала) для передачи по каналу трансляции либо в синхронном режиме, непосредственно к объекту-реципиенту, либо в блок «памяти» для длительного хранения. Количество каналов трансляции определено природой знака, установленного Ч.С.Пирсом, (на рис. 1 они показаны между *блоками 3 и 7*) и «формат» каждого из них требует своего кода.

Блоки 4 и IV отвечают двум идентичным стадиями передачи сигналов (сообщений). Для процесса передачи важна характеристика количества информации, определяемой по формуле К.Шеннона.

Блок V – это блок памяти, соответствующий процессам хранения информации. Свойство брэнности информации проявляется здесь в существенном изменении или потере информации. Реконструируя прошлое, мы в полной мере ощущаем последствия брэнности информации.

Блоки 6 и VI – это блоки рецепции информации из «памяти» и после перекодирования соответственно. Рецепция из памяти избирательный процесс, в котором может проявиться свойство изменчивости информации. Три блока (*IV, V, VI*), обозначенных римскими цифрами, демонстрируют процессы, в которых транслируется опыт и сохраняется действенность прошедшего. В реальности для каждого из нас понимание чего-либо начинается с процессов, отвечающим *блокам 6 и VI*. Мы получаем информацию и непосредственно воспринимаем ее (*блок 6*), либо извлекаем информацию из «памяти», когда обращаемся к собственному опыту или, сохраненному для нас, опыту других.

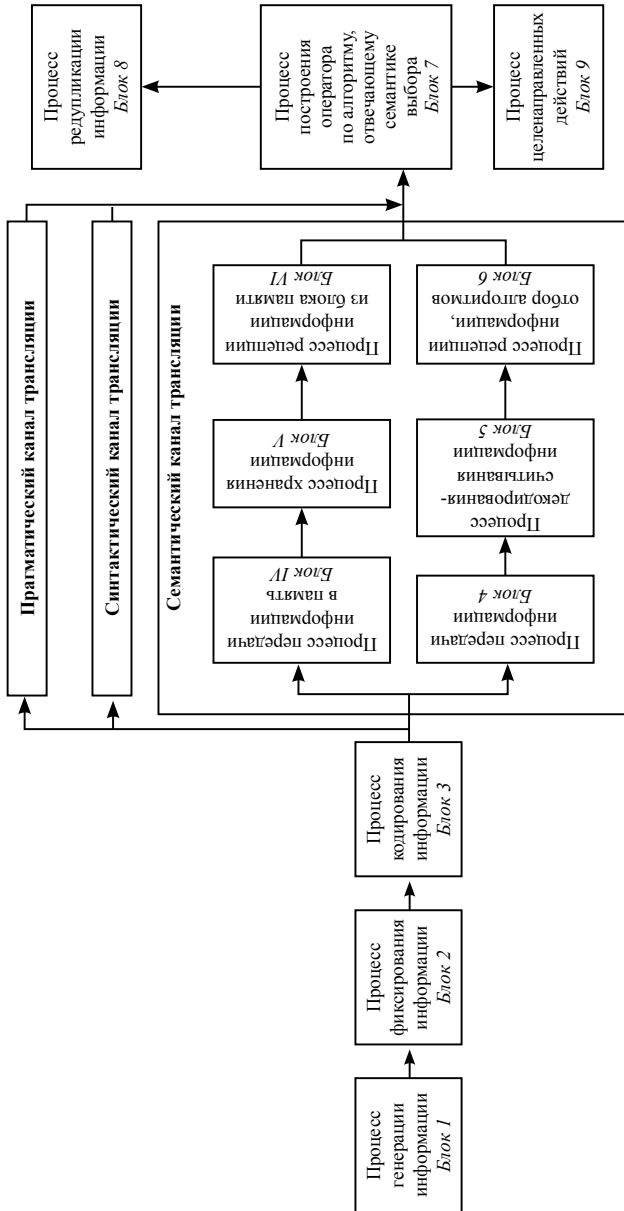

Рис. 1. Модель информационного процесса

Результат трансляции по автономным (4, 5, 6 и IV, V, VI) каналам воплощается в оператор (блок 7), т. е. в способ реализации некоторой программы, инструкции, технологии, направленных на достижение цели, которая согласуется со сгенерированной информацией (блок 1). Оператор обеспечивает осуществление целенаправленных действий (блок 8).

Условием неограниченного долгого существования информации, вопреки брэнности, является периодическая репликация (воспроизведение) (блок 9). Наряду с сохранением информации на этой стадии проявляется ее изменчивость, ибо при репликации возможны «ошибки», которые, тиражируясь в последующих поколениях, повышают изменчивость информации.

Учитывая все выше сказанное о специфике стадий процесса, и, обращаясь к модели (рис. 1), становится ясным, что границы коммуникативного пространства определяет «участок» между этапом кодирования (блок 3) и этапом построения оператора (блок 7). Причем само коммуникативное пространство объемно, а этот объем задают три изоморфных «слоя» каналов и два режима трансляции: синхронии и диахронии. Кроме того, сопоставление стадий информационного процесса и морфологии базовых моделей коммуникации приводит к следующим констатациям.

Модели формулы Г.Лассуэлла отображают коммуникации, которые происходят в настоящем времени, что соответствует синхроническому аспекту трансляции. Элементы этих моделей корреспондируются с этапами кодирования, передачи, декодирования и рецепции информации, то есть с блоками 3–6 прагматического канала на рис. 2.

На рис. 1 базовая модель К.Шеннона-У.Уивера начинается с процесса кодирования, соответствует синхронической трансляции, и включает этапы передачи, декодирования и рецепции информации, происходящих в синтаксическом канале. Однако интерактивный характер данных моделей вводит в эту «линию» блок оператора (блок 7).

Модели формулы Т.Ньюкомба встраиваются следующим образом: отправной точкой коммуникативного акта, является процесс кодирования информации, передачи, декодирования, рецепции (в синхроническом аспекте) и построения оператора. Кроме того, необходимость совпадения смыслов, на основе одинакового тезауру-

са у субъектов коммуникации указывает на включение процессов хранения информации и рецепции информации из памяти (блоки V–VI) в диахроническом аспекте коммуникации семантического канала трансляции.

Семиотические модели коммуникации актуализируют все три информационных канала за счет того, что концентрируют свое внимание на участвующих в коммуникации кодах, лексикодах и сообщении, которое обычно представляет собой некий текст, т. е. целый комплекс различных сообщений, закодированных различными кодами и функционирующих на различных уровнях означивания. Помимо этого, в конкретных семиотических исследованиях культуры актуализируются взаимосвязи, которые возникают между отдельными этапами трансляции относящихся к разным каналам.

Таким образом, сравнение элементов базовых моделей коммуникации и стадий информационного процесса (отдельные блоки рис. 1) становится ясным, *что каждая модель коммуникации является частным случаем информационного процесса*. Это позволяет сделать еще один вывод. Модель информационного процесса раскрывает механизм семиозиса. *Результатом действия трех процессов – передачи, декодирования, рецепции информации (блоки 4,5,6), осуществляемых в трех каналах трансляции, то есть завершением работы девяти стадий информационного процесса становится создание разных форм знаков. Эти формы соответствуют девяти подклассам знаков, выделенных Ч.С.Пирсом (табл. 1).*

Комбинаторное пространство 9 форм знаков и 9 информационных стадий, составляющих синхронический режим коммуникаций, и 9 информационных стадий диахронии – образуют множество моделей коммуникации, что является ответом на все формулировки вопроса в данной статье о генезисе множества этих моделей. Поскольку в современных коммуникациях преобладает синхрония, то актуальность приобретает версия семиотики, восходящая к концепции семиозиса Ч.С.Пирса. А именно модель информационного процесса (рис. 1) раскрывает взаимосвязь динамики форм знака и морфологии коммуникативных процессов.

Примечания

- ¹ Мелик-Гайказян И.В. Информационные процессы и реальность. М., 1998. С. 107–171; Она же. Идея процесса и проблема измерения // Эпистемология и философия науки. 2009. Т. XX. № 2. С. 127–141.
- ² Тухватулина Л.Р. Принципы классификаций моделей коммуникации // Вестн. Томск. гос. пед. ун-та. 2006. № 7. С. 49–53; а также: Лукьянова Н.А., Мелик-Гайказян И.В. Структура коммуникативного пространства // Системные исследования культуры. 2008. СПб., 2009. С. 306–327.
- ³ Жукова Я., Ширков Ю. Модели массовой коммуникации: Научный отчет. М., 1989 (<http://zhukova.newmail.ru/index.htm>)
- ⁴ Лотман Ю.М. Семiosфера. Культура и взрыв. Внутри мыслящих миров. СПб., 2000. С. 163.
- ⁵ Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. СПб., 2004. С. 71.
- ⁶ Аристотель. Этика. Политика. Риторика. Поэтика. Категории. Минск, 1998. С. 762.
- ⁷ Лукьянова Н.А., Мелик-Гайказян И.В. Структура коммуникативного пространства. С. 308–311.
- ⁸ Там же. С. 306–327.
- ⁹ Эко У. Открытое произведение. Форма и неопределенность в современной поэтике. СПб., 2004. С. 139.
- ¹⁰ Тухватулина Л.Р. Принципы классификаций модель коммуникации. С. 49–53; Лукьянова Н.А., Мелик-Гайказян И.В. Структура коммуникативного пространства. С. 306–327.
- ¹¹ Уайтхед А.Н. Избр. работы по философии. М., 1990. С. 272–303.
- ¹² Там же. С. 302.
- ¹³ Там же. С. 297.
- ¹⁴ Кастлер Г. Возникновение биологической организации. М., 1967.
- ¹⁵ Чернавский Д.С. Синергетика и информация. М., 1990.
- ¹⁶ Мелик-Гайказян И.В. и др. Миф, мечта, реальность: постнеклассические измерения пространства культуры. М., 2005; Мелик-Гайказян И.В. Информационные процессы и реальность. М., 1998; Мелик-Гайказян И.В. и др. Методология моделирования нелинейной динамики сложных систем. М., 2001.
- ¹⁷ Мелик-Гайказян И.В. и др. Методология моделирования нелинейной динамики сложных систем. С. 86–122.
- ¹⁸ Там же. С. 147–161.
- ¹⁹ Эко У. Открытое произведение. Форма и неопределенность в современной поэтике. С. 139.